Начавшаяся после событий 11 сентября 2001 г. под предводительством США всемирная война с терроризмом привела к уменьшению угроз региону Центральной Азии.

Затянувшееся военное присутствие США в регионе рассматривается Россией и Китаем как неприкрытая экспансия США в их сферы влияния, а также может быть интерпретировано этими двумя государствами как стратегическая угроза интересам их национальной безопасности. Таким образом, действия США в Центральной Азии имеют все шансы оказаться контрпродуктивными и могут спровоцировать соперничество, подрывающее безопасность и процветание любой страны региона. Уничтожив угрозу Центральной Азии, исходившую из Афганистана, Вашингтон может дестабилизировать регион, провоцируя как трения между государствами, имеющими интересы в регионе, так и внутренние конфликты в них. Сотрудничество в борьбе с терроризмом может смениться соперничеством в «Большой Игре» за влияние на регион. США должны всячески препятствовать чрезмерному усилению какого-либо из игроков, избегать односторонних действий, которые скорее всего приведут к укреплению в центральноазиатских государствах подозрений об истинных мотивах американского вторжения. Вашингтону также необходимо продолжать поощрять поддержку своей антитеррористической кампании со стороны государств региона. Тем не менее основной проблемой, стоящей перед Вашингтоном, является вовсе не необходимость уничтожения террористов в Центральной Азии, а управление созданным им «Pax Americana», так как США уже распространили свое влияние на слишком большое количество территорий.

«Ядерный контроль», М., 2005 г., № 1, с. 81–93.

Александр Винников, Владимир Орлов,
ПОЛИТОЛОГИ

МЕЖДУ БУШЕМ И БУШЕРОМ

В неформальной беседе осенью 2003 г. высокопоставленный иранский чиновник задал одному из авторов этих строк вопрос примерно следующего содержания: «А что, собственно, будет Ирану, если он выйдет из Договора о нераспространении ядерного оружия и Международного агентства по атомной энергии? Вот ведь Северная Корея вышла — и что?». Ответ, конечно, последовал незамедлительно: это, мол, вызовет международное осуждение, и дело может дойти

и до изоляции, и даже до применения военной силы... На этом вопрос был исчерпан, но тон вопрошавшего, его стремление прощупать такого рода возможность произвели-таки эффект: на несколько секунд воцарилась, как говорят, неловкая пауза. Сегодня, оглядываясь назад, понимаешь, какой нелегкий путь удалось пройти с тех пор, маневрируя между Сциллой и Харибдой, а именно склонностью администрации Джорджа Буша-младшего к конфронтационным решениям, с одной стороны, и пристрастием иранцев к постоянной недосказанности и сталкиванию лбами США, Европейского союза и России — с другой. Вмешательство Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), постоянные визиты инспекторов этого агентства в Иран и неослабевающее внимание его Совета управляющих к «иранскому досье» доказали свою действенность. 22 ноября 2004 г. по соглашению с европейской «тройкой» (Великобритания, Германия, Франция) Иран временно заморозил свою программу по обогащению урана. А 29 ноября Совет управляющих МАГАТЭ, оговорившись, что закрывать «иранское досье» еще рано, поскольку некоторые вопросы к Тегерану остаются, принял резолюцию по иранской ядерной программе, в которой не содержалось и намека на необходимость передачи имеющихся документов Совету Безопасности ООН. В марте 2005 г. после долгих колебаний и подчас противоречивших друг другу заявлений Соединенные Штаты приняли решение об «ограниченном присоединении» к усилиям европейской «тройки».

На фоне столь мощной дипломатической активности особенно бросается в глаза тот факт, что Москва оказалась в тени. А ведь с середины 1990-х именно Россия, будучи единственным государством, открыто сотрудничавшим с Ираном в области атомной энергетики, упоминалась чуть ли не в каждом сообщении средств массовой информации, касавшемся иранской ядерной программы. Что может значить это дистанцирование России? Является ли оно вынужденным спонтанным шагом или же это тщательно отрепетированная «домашняя заготовка»?

Несколько лет назад в кулуарах научно-практической конференции арабский тележурналист спросил у высокопоставленного российского чиновника, доверяет ли Москва Ирану в вопросе о его истинных ядерных намерениях. «Конечно доверяет, — на ходу бросил собеседник. — Со времен Грибоедова только и делает, что доверяет». В эфире появилась только первая часть фразы, авторы репортажа явно споткнулись на фамилии, не фигурирующей в списке действую-

щих российских политиков и дипломатов. А если бы журналисты приложили некоторые усилия, смысл ответа оказался бы несколько другим: в 1829 г. русский дипломат и писатель Александр Грибоедов был растерзан озверевшей толпой в Тегеране. В действительности Россия относилась и относится к Ирану с большой долей настороженности, если не сказать — подозрительности. Доверительными эти отношения не были никогда. Как-то на встрече с американскими бизнесменами тогдашний российский премьер В.Черномырдин похвастался: «Россия никогда не позволит, чтобы Иран создал свое атомное оружие. Иран — наш сосед, и мы хорошо знаем, что там происходит». Но так ли это на – самом деле?

Комплексный подход к формированию российско-иранских отношений Москва выстраивала долго и болезненно. Достаточно вспомнить, что в декабре 1996 г., когда Россия уже приступила к сооружению в Иране Бушерской АЭС и защищала этот контракт от давления со стороны США, Министерство обороны России причислило Иран к одной из «потенциальных угроз» безопасности России по причине «резкого наращивания» Тегераном «наступательного потенциала». Лишь начиная с 2000—2001 гг. атомное сотрудничество стало рассматриваться в более широком контексте стратегического диалога с Тегераном, а сам Иран превратился в глазах Москвы в ключевого стратегического партнера России на Ближнем Востоке. Президент Владимир Путин охарактеризовал Иран как «давнего, стабильного партнера» России. Тогда же было заявлено: все разногласия России и США из-за Ирана обусловлены не расхождениями во взглядах на его ядерную программу (наши позиции здесь хотя и не совпадают, но в целом близки), а разными представлениями о том, какой должна быть общая политика в отношении Исламской Республики Иран. США выступают за изоляцию Ирана, Россия — за сотрудничество с ним. Кроме того, Россия, в отличие от США, полагает, что «Иран — это не государство, которое является почему-то пораженным в правах, мы не видим для этого никаких оснований». Как писал российский специалист, ответственный в МИДе РФ за «иранское направление», Иран является сегодня чуть ли не единственным на всем Большом Ближнем Востоке государством, которое успешно и поступательно наращивает свой экономический, научный, технологический и военный потенциал. По мнению дипломата, Иран с его грамотным населением, высоким интеллектуальным уровнем элиты, обществом, консолидированным вокруг исламских ценностей, ог-

ромными природными ресурсами (11% нефтяных и 18% газовых мировых запасов) и выгодным геостратегическим положением просто «обречен» на то, чтобы занять место регионального лидера и важного международного игрока в регионе от Ближнего Востока до Южного Кавказа, да и за его пределами. Таким образом, «партнерство с Ираном... становится одной из ключевых задач внешней политики России (Г.Ивашенцов. Россия — Иран. Горизонты партнерства // Международная жизнь. 2004. №10. С. 22).

Еще в конце 1980-х многие российские эксперты по нераспространению начали с тревогой поглядывать в сторону Тегерана, интерес которого к военным ядерным исследованиям становился очевидным. Ядерные амбиции, вероятнее всего, были вызваны успехами главного врага Ирана — Саддама Хусейна в деле создания оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки. После поражения Саддама в войне 1991 г., установления международного контроля над иракскими ядерными, химическими и биологическими программами и их последующего демонтажа интерес Ирана к ядерному оружию, казалось, ослаб. Тем не менее еще в 1993 г. Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации предположила в своем открытом докладе, что в Иране «имеется программа военно-прикладных исследований в ядерной области. Однако без внешнего научного и технического содействия появление ядерного оружия у Ирана в этом тысячелетии маловероятно. Даже если внешняя помощь будет поступать беспрепятственно, а в саму программу будут вложены соответствующие финансовые средства — 1—1,5 млрд. долл. ежегодно, — то и в этом случае создание ядерного оружия достижимо не ранее чем через 10 лет». В докладе не упоминался Пакистан как вероятный источник той самой «внешней помощи», но присутствовал явный намек на то, что при серьезном содействии извне мир может столкнуться в 2003 г. с новой реалией — ядерным Ираном.

Более того, примерно в это же время Россия предложила США в конфиденциальном формате обсудить беспокоившую ее информацию об активности Тегерана в ядерной области. Насколько известно, эта инициатива Соединенные Штаты не заинтересовала. А уже в 1995 г. администрация Клинтона начала системную атаку на Москву в связи со строительством Бушерской АЭС. Американцы обвиняли Россию в ядерном партнерстве со страной, которая, как теперь говорили в Вашингтоне, ведет, согласно разведданным, разработку ядерного оружия. Это давление не ослабевало практически на протяже-

нии всего срока клинтоновской администрации; иранская тема занимала важное место (отнимая немало времени) в повестках дня саммитов Россия — США. После принятия в 2001 г. в России закона, разрешающего ввоз отработанного ядерного топлива (ОЯТ), в речах американских экспертов то и дело стало звучать предложение, увязывающее два обстоятельства. Россия, мол, отказывается от ядерного сотрудничества с Ираном, а США снимают ограничения на импорт в Россию ОЯТ из Японии, Южной Кореи и Тайваня. Пойди Москва на это, получила бы в денежном выражении куда больше дивидендов, чем от контрактов с Ираном. Но нельзя не учитывать, что ключевой национальный интерес состоит для России не в получении еще нескольких сотен миллионов долларов, заработанных на контрактах с Ираном, а в том, чтобы ее сосед, имеющий масштабные ракетные проекты, сохранял свой неядерный статус. Поэтому неудивительно, что Путин, которого в уже упоминавшемся интервью «Аль-Джазире» спросили о его отношении к иранской ядерной программе, начал не с сотрудничества, а с нераспространения: «Я лично считаю, что проблема возможного распространения оружия массового уничтожения в XXI в. является ключевой. Это одна из самых главных проблем современности». Во второй половине 1990-х в Москве действительно был зафиксирован рост интереса иранцев к российским предприятиям и институтам — прежде всего ракетостроительным, а также и ядерного топливного цикла (ЯТЦ). В ответ из России стали высылать иранских вербовщиков и были предприняты шаги по отлаживанию системы внутрифирменного экспортного контроля на собственных предприятиях. Это, однако, не остановило утечку в Иран чертежей, информации, умов, а иногда и контрактов российских предприятий в обход действующего законодательства и внедренного в 1998 г. экспортно-контрольного правила «всеобъемлющего экспортного контроля» (catch-all). К тому же в Москве уже в те годы с еще большим беспокойством начали приглядываться к треугольнику Пакистан — Иран — Северная Корея. Скудость информации всегда была и сегодня остается основной проблемой относительно того, что касается иранской ядерной программы. Москва не раз подозревала, что под сенью Корпуса стражей исламской революции, а возможно, в обход МИДа и даже президента Ирана с разной степенью интенсивности велись параллельные военные ядерные исследования. В Москве (как и в Париже, и в ряде других столиц, где проходили формальные и неформальные консультации с представителями Ирана) неоднократно

отмечали несогласованность позиций иранских дипломатов и специалистов-ядерщиков, нередко противоречивших друг другу в оценке даже простых фактов. Поэтому Москва много раз и иногда даже навязчиво повторяла Вашингтону: «Если у вас имеются реальные факты, давайте их изучим». Но получала отказ с неизменной ссылкой на невозможность выдать разведисточники. В Москве сделали вывод, что сведения, вызывающие главные опасения американцев, исходят из Израиля и, не исключено, надуманны.

В какой-то момент, по крайней мере на публичном уровне, оценки Москвы смягчились. Россия заявила, например, о том, что ее разведка «не обнаружила убедительных признаков наличия (в Иране) скоординированной и целостной военной ядерной программы». В одном из официальных документов по Ирану, датированных осенью 2000 г., утверждалось: «Наши контакты с иранцами показывают, что они настроены на деловой и откровенный разговор по экспортно-контрольной проблематике, демонстрируют готовность к дальнейшему развитию сотрудничества в этой сфере. Как представляется, у них есть понимание важности данного вопроса. ... Руководство Ирана неоднократно подтверждало мирную направленность осуществляемой в стране ядерной программы и ее транспарентность». Тем обиднее было для Москвы узнать во второй половине 2002 г. подробности о построенном центрифужном заводе в Натанзе, а также и о ряде других объектов ядерного топливного цикла. В Москве мало кто предполагал, что иранцы сумели настолько быстро и значительно продвинуться вперед. У российских специалистов это вызвало и уважение (хотя они признавали, что работающие в экспериментальном режиме установки могут быть еще слишком «сырыми», чтобы решать заявленные Ираном масштабные задачи), и новые вопросы. В Москве крепло подозрение: использование ЯТЦ в мирных целях — это не более чем способ замаскировать военные амбиции Ирана, Тегеран же ведет дело к «выскальзыванию» из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), что может произойти лет через пять–шесть, когда его ядерная программа «дозреет» и ее можно будет стремительно перевести на военные рельсы.

Эти события Россия восприняла весьма болезненно. Будучи единственным государством мира, сотрудничающим с Ираном в области атомной энергетики, она рассчитывала — вероятно, несколько наивно – на эксклюзивные, доверительные отношения с Ираном, который, как предполагалось, должен был ставить Москву в извест-

ность обо всех своих шагах в ядерной области, пусть и не связанных с двусторонним сотрудничеством. Причем ожидалось, что Иран будет информировать своего российского партнера заблаговременно. Как не очень убедительно объясняли потом иранцы, они «хотели заранее пригласить в Натанз [министра по атомной энергии] Румянцева, все ему заранее показать, но у того не нашлось времени приехать». Москва с трудом скрывала раздражение. В ответ иранцы решили разыграть «европейскую» карту. Москве намекнули, что если она отойдет от духа партнерства, то ничто не помешает Тегерану выбрать себе новых партнеров, и что, например, Франция — первая в европейской очереди на получение контрактов: на кону были еще шесть энергоблоков, а может быть, и больше. В Иране вдруг вспомнили про, казалось бы, отброшенные после революции 1979 г. планы шаха построить в стране 20 атомных энергоблоков. Россия умудрилась проявить чудеса сдержанности и, вместо того чтобы закрывать глаза на неискренность Ирана, начала выстраивать откровенный диалог с той же Францией, имевшей, как выяснилось, серьезное «досье» на Иран, а также с Германией и другими европейскими странами. Раз обжегшись, в Москве решили, что, не имея разносторонней информации, вряд ли следует на всех международных форумах бросаться на амбразуру, защищая Иран и его право на мирную ядерную деятельность, которым он открыто злоупотребил. В июне 2003 г. из французского города Эвиана, где проходил саммит «большой восьмерки», Тегерану был послан недвусмысленный, жесткий сигнал: «Мы не будем игнорировать развитие продвинутой ядерной программы Ирана... Мы убедительно призываем Иран подписать и выполнить Дополнительный протокол МАГАТЭ без задержек или условий. Мы решительно поддерживаем подробное исследование со стороны МАГАТЭ ядерной программы этой страны». Еще за несколько месяцев до саммита Москва, безусловно, не подписалась бы под подобным текстом.

До последнего времени диалог по иранской тематике между Россией и США шел со скрипом — и прежде всего из-за неприкрытого давления, которое Америка оказывала на Россию в связи с бушер-ским контрактом. В российских экспертных кругах сложились две точки зрения на причины такого давления. «Экономисты» объясняли его «беспощадной борьбой без всяких правил на мировом рынке атомной энергии». Геополитики видели в поведении США более далеко идущее стремление — не допустить установления партнерских, стратегических отношений России с Ираном, скомпрометировать

Иран в глазах Москвы и любой ценой нанести урон и без того сложному российско-иранскому диалогу. Некоторые специалисты также исходили из того, что действия Соединенных Штатов обусловлены не столько позицией самого Вашингтона, сколько влиянием на него израильского лобби. В середине и во второй половине 1990-х, да и позднее, Соединенные Штаты нередко пытались использовать «бушерский вопрос» как разменную монету в диалоге с Москвой. В частных беседах американские официальные лица упоминали о возможной комбинации, предполагавшей отказ России от бушерского контракта в обмен на отказ США выйти из Договора по ПРО. Концепция «размена» действительно была популярной в среде неправительственных и даже у околоправительственных экспертов по обе стороны океана и периодически всплывала в разных контекстах. Однако на самом деле в Москве эту концепцию никогда не воспринимали всерьез и никогда не дали бы ход подобным сделкам. Даже мысль о том, чтобы отступиться от Ирана, всегда представлялась Кремлю недопустимой, унизительной. Достаточно вспомнить, как завелся обычно невозмутимый российский президент (в Куала-Лумпуре в 2003 г.), когда услышал реплику одного журналиста: «Многие говорят, что вы сдали Иран». Даже в моменты особого недовольства иранскими партнерами Москве казалось, что лучше инициативно заморозить строительство Бушерской АЭС и потом посмотреть на развитие ситуации, чем отказаться от проекта в обмен на американские «пряники». Вообще, давление США на Россию по иранской проблеме оказалось не только бесполезным, но и контрпродуктивным. В итоге диалог между Россией и США по Ирану начал шаг за шагом выравниваться. От пикировок стороны перешли к обмену оценками ситуации. Администрация Буша, по сути, сняла с повестки дня вопрос о Бушерской АЭС, согласившись с тем, что ее строительство и функционирование не могут угрожать международной безопасности до тех пор, пока отработанное ядерное топливо будет возвращаться в Россию.

Судя по результатам встречи президентов Буша и Путина в Братиславе (24 февраля 2005 г.), тема Ирана, столь важная — по разным причинам — для обоих лидеров, постепенно вытесняется из первых пунктов двусторонней повестки дня. Накануне саммита американские СМИ писали, что Иран и нераспространение станут главными темами переговоров, однако на совместной пресс-конференции Иран был упомянут только единожды. «Мы договори-

лись, что у Ирана не должно быть ядерного оружия», – сказал Джордж Буш. Путин вообще не коснулся этой темы. В ходе саммита он, похоже, проинформировал американского коллегу о том, что российский министр в ближайшие дни собирается подписать в Тегеране соглашение о возврате ОЯТ, открывая тем самым дорогу запуску Бушерской АЭС. Но к тому моменту администрация США уже переменила свое видение политики в отношении Ирана. Военный сценарий (точечные бомбардировки ядерных объектов), то и дело возникавший в самом начале 2005 г., был отодвинут, переведен в разряд «запасных». По результатам европейского турне Буш решил пусть и в очень ограниченном формате, но все же работать вместе с «европейскими друзьями».

Усилия европейской «тройки» в октябре 2003 и ноябре 2004 г. привели к заключению договоренности о временном замораживании Ираном программы по обогащению урана в обмен на признание Европейским союзом права Ирана, как участника ДНЯО и члена МАГАТЭ, на реализацию мирной ядерной программы. Согласно той же договоренности, Евросоюз не препятствует завершению Россией строительства Бушерской АЭС, равно как и вероятной установке новых легководных реакторов; гарантирует Ирану возможность поставок топлива для АЭС на рыночных условиях, а также доступ к ядерным технологиям; поддерживает кандидатуру Ирана на членство в ВТО; рассмотрит шаги по развитию обширного экономического сотрудничества с Ираном; начнет диалог по вопросам безопасности, вызывающим особую тревогу Тегерана. Для успешного продвижения этих инициатив Москва, оставаясь в тени, провела серьезную «артподготовку». Россия, считают дипломаты, участвующие в переговорах «тройки» с Ираном, сыграла весьма существенную роль в том, чтобы убедить Тегеран подписать Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. Правда, придется оговориться, что после европейского турне Кондолизы Райз, а затем и Джорджа Буша зимой 2005 г. позиция европейской «тройки» претерпела одно существенное изменение: вместо «заморозки» иранской программы по обогащению урана там теперь требуют ее полного, на веки вечные, демонтажа. Надо еще разобраться, чего в этом больше: возросшего беспокойства «тройки» по поводу истинных намерений Тегерана, следствия давления со стороны США, или же просто повышения ставок на переговорах, чтобы затем можно было выходить на компромиссные позиции? Но все же трудно представить себе, чтобы такая гордая и смот-

рящая далеко вперед страна, как Иран, пошла на добровольный и постоянный отказ от самой возможности иметь программу обогащения урана (возможность, которая представлена Ирану на законных основаниях — согласно ДНЯО) и чтобы европейцы не учитывали этой особенности иранских подходов.

На данный момент интересы и цели России и ЕС на «иранском направлении» во многом совпадают. Обе стороны заинтересованы в стабильном, не несущем угрозы Иране, поскольку это государство является соседом России, а в будущем, возможно, и Европейского союза. И та, и другая сторона осознают стратегическую роль Ирана как важнейшего источника нефти и газа, а также как транзитного пункта на транснациональных транспортных коридорах. Как Россия, так и ряд стран — членов Евросоюза, в частности Германия, убеждены, что Иран еще не принял политическое решение о создании собственного ядерно-оружейного арсенала. То есть Россия и ЕС оценивают масштаб угрозы принципиально иначе, нежели США. Москву и Брюссель сближает представление о важности солидного набора «пряников» в диалоге с Тегераном, Вашингтон же больше внимания уделяет «кнуту». Наконец, и Россия, и Европейский союз (в том числе страны «тройки», и особенно Франция) торопятся, используя отсутствие США, продвигать на многообещающем иранском рынке свои коммерческие интересы (прежде всего в атомном, нефтегазовом, автомобильном и оборонно-промышленном секторах). Соображения экономического характера способны превратиться в источник конфликта интересов. За политическими декларациями о тесном сотрудничестве России и Евросоюза по иранскому ядерному вопросу скрывается растущая конкуренция за экономические преимущества.

Однако атомная энергетика — не единственная область, в которой долгосрочные интересы России и ЕС могут столкнуться. Еще один потенциальный камень преткновения — сектор военно-технического сотрудничества. Европейский мораторий на продажу оружия Ирану был весьма выгоден российскому ВПК: по некоторым оценкам, Иран является третьим (после Китая и Индии) рынком экспорта российских обычных вооружений. Напряженное российско-европейское состязание прослеживается и в сфере нефтегазовой энергетики. Несмотря на разного рода юридические препоны и риск санкций со стороны США, компании из России и из стран — членов Европейского союза давно начали битву за допуск к энергетическим ресурсам Ирана. В тендерах на разработку иранских крупных нефтя-

ных полей участвуют такие европейские компании, как BP (наследница Anglo-Iranian), Shell, TotalFinalElf, ENI, Sepsa, норвежская Statoil. На сегодняшний день нефть составляет 80% общего иранского экспорта в Евросоюз. Российская доля пока скромнее. Однако «ЛУКойл» имеет масштабные перспективные проекты в Анаране, а «Газпром» присоединился к другим гигантам (в числе которых французский TotalFinalElf) в рамках проекта стоимостью 2 млрд. долл. по развитию огромного газового месторождения в южном Парсе. Наконец, ЕС давно считает, что самая эффективная форма поддержки реформаторов в Иране — политика «обусловленного вовлечения» Тегерана. В Москве, однако, поддержка реформаторов не только не является приоритетной задачей, но и даже рассматривается многими как угроза удобному статус-кво. Москва неплохо наладила работу и с нынешним умеренным президентом Сейедом Мохаммедом Хатами и с его наиболее вероятным «сменщиком» консерватором-прагматиком Али Хашеми Рафсанджани.

Некоторое время назад многие западные СМИ только и делали, что писали о том, как Россия, тайно или явно, якобы помогает Ирану продвигаться к созданию ядерного оружия. Сегодня, однако, критики российско-иранского ядерного сотрудничества признали, что успехи Тегерана — результат содействия со стороны Пакистана, а отнюдь не России. А по некоторым направлениям ядерных научно-исследовательских и инженерных работ иранцы добились прогресса собственными силами. Бушерская стройка оказалась не более чем удобным «громоотводом» для иранцев, торопившихся с развитием собственной негласной центрифужной программы. Вместе с тем в последние два года Москва, находясь «за сценой», ни разу не снизила темп диалога с Тегераном по всему набору проблем, связанных с нераспространением ОМУ. Так, о решении Ирана присоединиться к Дополнительному протоколу было объявлено именно в Москве. Но в какой-то момент Москва умышленно уступила пальму первенства европейской «тройке».

Так в чем же суть «тихой политики» России в отношении Ирана и его ядерной программы?

Во-первых, Россия нацелена на продолжение и даже на активизацию ядерного сотрудничества с Ираном. В Росатоме считают, что решение Совета управляющих МАГАТЭ в ноябре 2004 г. устранило барьеры в совместной работе Ирана с западными странами и Россией в области высоких ядерных технологий. А крупный российский ди-

пломат, принимавший участие в консультациях с европейской «тройкой», заметил: «От нас они (члены «тройки») хотели одного — гарантированных поставок ядерного топлива для Бушера в Иран. Мы готовы это сделать. И для нас важно, что теперь к нам никто не сможет приставать, что мы якобы делаем что-то незаконное в Иране, — ведь нас поддерживает Западная Европа». После позитивных сдвигов в переговорах европейской «тройки» с Ираном и на фоне более спокойного обсуждения «иранского досье» в МАГАТЭ нет особых препятствий для начала переговоров о возведении второго энергоблока Бушерской АЭС или даже строительства АЭС на новой площадке.

Во-вторых, в качестве условия для дальнейшего сотрудничества Россия ставит неукоснительное исполнение Тегераном обязательств перед МАГАТЭ, включая скорейшую ратификацию Дополнительного протокола, а также информирование этого агентства по всем остающимся в «досье» вопросам.

В-третьих, Москва намеревается тщательно следить за выполнением всех пунктов заключенного с Ираном в феврале нынешнего года соглашения о возврате ОЯТ с Бушерской АЭС, а также сопутствующего пакета документов. В первые два года после пуска Бушерской АЭС контроль за ее работой будет полностью осуществляться российскими атомщиками, впоследствии — иранцами, но под присмотром россиян.

В-четвертых, выбирая меж двух зол — объективным обострением российско-европейской конкуренции за иранские рынки и невозможностью сотрудничества с Ираном в результате его международной изоляции, — Москва сделала ставку на «интернационализацию» ядерного диалога по иранской тематике и соответственно на поддержку усилий европейской «тройки».

В-пятых, Россия, которая с беспокойством следит за «замыканием иранского ЯТЦ, отдает себе отчет в том, что со временем Иран сможет достаточно быстро перевести свою мирную программу на «военные» рельсы. Москва стремится к тому, чтобы Тегеран перешел от временной приостановки программы по обогащению урана к полному отказу от нее. Для этого требуется создать (используя и «пряники» европейской «тройки», и гарантии безопасности Ирану со стороны США, и систему мер МАГАТЭ) необходимые условия, которые стимулировали бы не только Иран, но и другие государства, идущие похожим путем, отказаться от собственных программ обогащения. То есть это может быть только суверенное решение самого Ирана. «Пе-

редавливать» в данном вопросе вряд ли было бы продуктивно, да и с правовой точки зрения для этого нет оснований.

В-шестых, учитывая недостаточность имеющейся информации по Ирану, Россия всячески пытается наладить обмен соответствующими конфиденциальными сведениями, причем как на двустороннем уровне (с США, Германией и другими странами), так и на уровне «большой восьмерки».

Конечно, дефицит сведений о ситуации в Иране – проблема не только России, но и США и Евросоюза. Как подчеркнул недавно бывший аналитик ЦРУ Кеннет Поллак, «до нападения на Ирак мы знали, что наша информация была неадекватной, но не осознавали, до какой степени она была некачественной. Сегодня большинство чиновников в разведке считают, что наша информация о механизме принятия решений в Тегеране и об иранском ОМУ еще более отрывочная и ненадежная». В докладе специальной комиссии Лоуренса Силбермена о состоянии американской разведки резкой критике подвергается качество разведданных США по Ирану. Тот факт, что Москва упорно настаивает на более активном вовлечении инспекторов МАГАТЭ в процесс контроля над иранским ядерным комплексом, отчасти обусловлен именно желанием лучше разобраться в противоречивой информации, поступающей из Ирана. По этой же причине Россия придает такое большое значение и собственному атомному присутствию в Иране. Вместе с тем при всей неопределенности ситуации в Иране Москва по-прежнему не разделяет мнение (доминирующее в Вашингтоне и, судя по всему, в Лондоне) о том, что Иран уже принял политическое решение о создании ядерного оружия. Но в России (как и в Берлине и Париже) признают: Иран способен принять такое решение, если во внешнеполитических событиях произойдет неблагоприятный для него поворот (чего полностью исключить нельзя). Так что остается работать над устранением причин, могущих побудить Иран, достаточно рационального, по мнению Москвы, игрока, обрести собственный ядерный арсенал. Таким образом, теряясь в догадках по поводу истинных ядерных намерений Тегерана, Москва пытается балансировать между очевидными стратегическими соблазнами и «нераспространенческой» осторожностью в отношении своего «трудного» соседа и партнера. При всем при том, однако, она явно склоняется к стимулированию сотрудничества и политике «оправданного риска».

«Россия в глобальной политике»,
М., 2005 г., март–апрель, с. 128–142.